

Черных Сергей Сергеевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии и психологии
Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ)
имени М.И. Платова

Искендерова Яна Юрьевна

ассистент кафедры юриспруденции
Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ)
имени М.И. Платова

**СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ
«ВЛАСТИ-СОБСТВЕННОСТИ»
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

Chernykh Sergey Sergeevich

PhD (Philosophy),
Assistant Professor,
Sociology and Psychology Department,
Southern Russian State
Polytechnic University

Iskenderova Yana Yuryevna

Assistant,
Jurisprudence Department,
Southern Russian State
Polytechnic University

**SOCIAL ASPECTS OF
INSTITUTIONAL
TRANSFORMATION OF
“POWER-PROPERTY”
IN POST-SOVIET RUSSIA**

Аннотация:

В статье рассмотрены особенности функционирования института власти-собственности в постсоветской России. Власть-собственность представляет вполне реальную систему распределения благ, в которой происходит взаимодействие наделенных властью бюрократов с представителями частного бизнеса. Анализируется проблема нелегитимности распределения частной собственности и связанные с ней представления граждан страны.

Ключевые слова:

власть-собственность, бюрократическая власть, экономическая депривация, приватизация, коррупция, частная собственность, нелегитимность.

Summary:

The article deals with the peculiarities of the institute of power and property in post-Soviet Russia. The power-property system is a real distribution of wealth, in which powerful bureaucrats interact with private business. The author discusses the problem of illegitimacy of private property distribution and citizens' ideas on this issue.

Keywords:

power-property, bureaucratic power, economic deprivation, privatization, corruption, private property, illegitimacy.

Бурное развитие институционального подхода в исследованиях экономики последних лет совпало с интересом социологов к структурной взаимосвязи между экономическими процессами и их влиянием на широкий спектр социальных проблем, включающих в себя: особенности экономической депривации жителей страны, специфику сложившегося в обществе классового компромисса и степень доверия граждан к правительству и проводимому им курсу реформ. В связи с этим особый интерес для нас представляет концепт «власть-собственность», активно эксплуатируемый в русле отечественного институционализма и ставший важным инструментом изучения российской социально-экономической, как, впрочем, и политической действительности [1]. При этом в целом позитивное отношение россиян к праву частной собственности сочетается с резко негативной оценкой сложившихся механизмов и институциональных практик ее общественного распределения и легализации. «Это значит, что *существующие сегодня в России социальные неравенства представляются несправедливыми всем слоям населения независимо от динамики их личного благополучия. Особенно болезненно воспринимаются такие виды неравенств, как чрезмерная дифференциация доходов и неравенства в распределении частной собственности, справедливость которых в их нынешнем виде признают всего по 6 % россиян, а не признают – соответственно 86 % и 74 %*» [2].

Таким образом, в исследовании мы ставим перед собой цель решить или по крайней мере наметить контуры дальнейшего решения двух взаимосвязанных задач: 1) критически рассмотреть концепт «власть-собственность» для его лучшего уяснения в ключе социологического дискурса; 2) признавая реальное обнаружение и функционирование «власти-собственности» в качестве особого исторически сложившегося социально-экономического и политического института, выявить социальные аспекты его влияния и трансформации в постсоветской период.

Проводившиеся в нашей стране социологические исследования свидетельствуют, что в основе экономической депривации граждан лежит недовольство сложившейся системой социального неравенства, наиболее резкое по поводу крайне неравномерного распределения доходов и собственности. Здесь преобладают коллективные представления о социальной справедливости, которые можно квалифицировать как социокультурную норму, значимую для большинства россиян вне зависимости от их неудовлетворенности собственным экономическим положением. «Более того, именно с проблемой нелегитимности распределения в стране частной собственности оказалось связано и часто испытываемое многими россиянами чувство несправедливости всего происходящего вокруг. Так, среди тех, кто часто испытывал чувство несправедливости всего происходящего вокруг, 85 % считали, что нынешняя система распределения в России частной собственности несправедлива, и лишь 4 % придерживались противоположного мнения» [3]. Очевидно, что сложившаяся ситуация несет на себе отпечаток последствий приватизации 90-х гг., результаты которой большая часть населения по-прежнему считает несправедливыми.

Согласно положениям, развиваемым в концепции Р.М. Нуреева, специфику, составляющую сущность «власти-собственности», трудно уяснить без ее сравнения с «частной собственностью», которая утвердилась в качестве ведущего экономического института, прежде всего в развитых капиталистических странах Запада. «Если в системе власти-собственности доминирует общественно-служебная собственность, то в системе частной – индивидуальная. Если в системе власти-собственности основными субъектами прав собственности являются чиновники, то в системе частной собственности – владельцы факторов производства» [4, с. 21].

Здесь важно отметить, что если частная собственность, как, впрочем, и право на нее рассматриваются всегда в своем «чистом» виде (причем в рамках либеральной теории трактуются как исключительное благо), то власть-собственность предстает как результат отчуждения государственной (общественной) собственности в пользу правящего политико-бюрократического класса, в котором доминирует чиновнический аппарат. Большая часть населения страны относится к подобной системе приобретения собственности в частное пользование резко отрицательно, при этом также осуждая эксплуатацию общественной собственности в частных интересах. Так, например: «Опрос “Левада-центра”, проведенный в середине марта 2013 г., показал, что 44 % россиян считают преступным наличие богатства у чиновника или депутата. Неприличным это признают 33 % опрошенных, нормальным – 13 %, затруднились ответить 11 %» [5]. Сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что представления о социальной справедливости у большинства россиян носят отвлеченный от институциональной действительности характер, тесно связанный с абстрактным моральным осуждением преступного образа жизни как такового.

Итак, понятие «власть-собственность» помогает выделить характерные особенности и черты, присущие российскому капитализму на современном этапе развития. Данное понятие дает возможность сделать наглядным механизм воздействия ведущих субъектов политической власти на экономические ресурсы страны. По сути, речь здесь идет о понятии политэкономического рода, посредством которого можно охватить единство и взаимозависимость между полями политики и экономики. При этом, однако, власть-собственность в концепциях многих отечественных исследователей (Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов, О.Э. Бессонова, С.Г. Кирдина и т. д.), опирающихся в своем творчестве главным образом на экономическую теорию классического либерализма, осмысливается почти исключительно в негативных коннотациях, где, например, самобытность организационной культуры России строго редуцируется к ее хронической отсталости. Однако мы, в свою очередь, также далеки от того, чтобы эвфемизировать власть-собственность, пытаюсь использовать данное понятие в духе традиционалистской интерпретации, выдвигающей на передний план самобытность российского пути развития в качестве цивилизационного преимущества.

Интересно, что Р.М. Нуреев пишет о целом ряде неудавшихся попыток разрушить институт власти-собственности в России. Таким образом, «власть-собственность» можно рассматривать не только как теоретический концепт, то есть как орудие мысли, но и как вполне сложившуюся институциональную структуру («матрицу»), демонстрирующую способность к многоуровневому социальному воспроизводству, причем в разных исторических условиях и экономических формациях (феодализм, коммунизм, капитализм) [6]. Поэтому важно заметить, что «власть-собственность» как реально действующий институт активно формирует и поддерживает господствующий класс гибридного типа, где ведущая роль принадлежит как чиновникам, эксплуатирующим ресурсы государственного капитала, так и близким к государственной власти бизнесменам, владеющим капиталом частным.

Функционирующее таким образом общество регулирует распределение экономических благ при помощи мощного административного ресурса, контролируемого чиновниками и силовыми структурами, которые, используя механизмы редистрибуции, превращают общественную

собственность в служебную. В таком обществе особую роль приобретают бюрократическое служение и идеологическая верность элит по отношению к установившемуся авторитарному порядку государственной власти. В подобном обществе, как правило, резко возрастает роль *символического насилия*, в результате чего формы общественных отношений *фетишизируются*, а правящие коррумпированные элиты (распоряжающиеся общественным богатством страны как своим собственным) навязывают подчиненным классам ложное представление о том, что им их собственные экономические блага нужно воспринимать как дар свыше вместо понимания их в качестве объективного процесса обмена в системе разделения общественного труда.

Согласно С.Г. Кирдиной, описанная выше система конструирования власти-собственности представляет собой так называемую «восточную институциональную матрицу» – «устойчивую, исторически сложившуюся систему базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической» [7, с. 24]. Согласно данному подходу Россия в ходе своего исторического развития на протяжении веков импортировала институты управления из стран Востока, например из Золотой Орды и Османской империи. Сюда же можно отнести специфику институтов управления и власти в Византии, которая была перенесена на отечественную почву с принятием православия. Однако дальнейшее западное институциональное и идеологическое (от либерализма до социализма и национализма) влияние, принявшее наибольший размах и последовательность в период реформ Петра I, не смогло разрушить «восточные» институты (сакральное отношение к власти, идеократию, «азиатский» способ производства), утвердившиеся в России, но, вступив с ними во взаимодействие, пожалуй, породило особую институциональную матрицу гибридного типа. Поэтому, дистанцируясь от идеолого-политического течения так называемых «неоевразийцев» во главе с А.Г. Дугиным, можно все же констатировать вполне евразийский характер функционирования института власти-собственности в России.

На наш взгляд, главный позитивный аргумент, содержащийся в либеральной критике власти-собственности, заключается в том, что данный институт в значительной степени препятствует обеспечению гарантий прав частной собственности. «Мы видим, что власть-собственность и частная собственность существенно отличаются друг от друга и по субъектам, и по типу и характеру распределения правомочий, и по системе стимулов, и по механизмам гарантий прав собственности» [8, с. 20]. На практике это выглядит следующим образом: если, например, бизнесмен попал в немилость к действующей власти, он может легко лишиться крупной собственности. В результате риски лишиться частной собственности зависят не от рыночной конъюнктуры, а от позиций, занимаемых в структуре политической власти. Однако подобный аргумент все же не действует в России в полной мере, поскольку крупная частная собственность, сконцентрированная в руках отдельных лиц, воспринимается большей частью россиян как приобретенная в результате изначально несправедливой приватизации.

Трансформация института власти-собственности в постсоветской России совершается в период перехода от системы советского коммунизма с его распределительной системой и плановой экономикой к обществу капиталистического типа и необходимым его атрибутом – частной собственностью на средства производства. Главный механизм построения «полноценного» капиталистического общества в России и обеспечения экономических свобод предпринимателей реформаторы видели в приватизации, которая должна была в кратчайшие сроки создать класс частных собственников, аналогичный капиталистическим элитам стран Запада. Процесс приватизации государственной (народной) собственности проходил под лозунгами «демократизации», «либерализации» и освобождения от советского прошлого, однако на деле он вылился в организованный захват собственности и переход ее в руки бывшей партийной номенклатуры. Поэтому построение капитализма в России приняло собственные неповторимые черты, которые большинством исследователей оцениваются как негативные. «В результате, как уже говорилось, образовались бюрократический капитал – сращивание чиновников-дельцов с частным предпринимательством и тотальная коррупция государственной службы. Капитализация правящего постноменклатурного слоя прогрессирует в условиях сверхмонополизма социальной власти, а концентрация экономической и политической власти в руках узких олигархических групп закреплена в реформированных “учреждениях” Российского государства» [9, с. 291]. С вышеприведенной оценкой В.П. Макаренко можно вполне согласиться, особенно учитывая высокий уровень коррумпированности российской экономики и всех общественных институтов в целом.

Ясно, что рассматриваемый нами институт власти-собственности как наследие коммунистического строя продолжает функционировать в новых капиталистических условиях современной российской действительности, восстанавливая влияние через авторитаризм власти и бюрократическую систему управления, при этом во многом сохраняя свое номенклатурно-классовое содержание. Ведь вполне очевидно, что в Советском Союзе, несмотря на декларацию о создании

бесклассового общества, был сформирован господствующий класс управленцев, который занимал привилегированное положение и был заинтересован распоряжаться народной собственностью в своих интересах. При этом представители номенклатуры занимали высокие должности, позволявшие им управлять предприятиями народного хозяйства исходя главным образом не из их экономических и организаторских компетенций, а из положения в структуре партийной иерархии власти. К тому же в отличие от капиталистов из стран западной Европы и США отечественные представители крупного бизнеса, появившиеся в результате приватизации, не участвовали в изначальном создании отечественной промышленности и практически не имеют опыта инвестирования в фундаментальные национальные проекты. Отсюда проистекает изначально низкая моральная ответственность российского бизнеса, ведь его ведущие представители приобрели крупную собственность не в результате относительно длительного процесса накопления капитала путем затрат труда целых поколений собственников, а за счет ускоренного передела собственности в условиях кризиса.

Таким образом, «власть-собственность» в России представляет вполне реальную систему социально-экономического и политического порядка, в которой происходит взаимодействие наделенных властью бюрократов с представителями частного бизнеса. Это в свою очередь ведет, с одной стороны, к повышению роли государства в экономике страны, а с другой – способствует процессу диффузии между классом предпринимателей и бюрократов, в результате которого последние приобретают черты первых. В целом не приходится говорить об эффективности сложившейся системы не в последнюю очередь по причине отсутствия жестких правовых механизмов наказания для коррумпированных высших чиновников, особенно с учетом необходимости модернизировать отечественную экономику. При этом социологические опросы свидетельствуют в пользу того, что значительная часть населения страны по-прежнему депривирована собственным экономическим положением, причем одно из первых мест здесь принадлежит недовольству в отношении распределения частной собственности. Последнее обстоятельство во многом зависит от итогов приватизации и связано с базисной общественной проблемой нелегитимности распределения частной собственности в стране.

Ссылки:

1. Постсоветский институционализм – 2006: Власть и бизнес / под ред. Р.М. Нуреева. Ростов н/Д., 2006.
2. Социальное неравенство в социологическом измерении [Электронный ресурс] : аналит. докл. / подготовлен в сотрудничестве с Горбачёв-Фондом и Национальным инвестиционным советом. М., 2006. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Soc_neravenstvo.pdf (дата обращения: 20.02.2015).
3. Там же.
4. Постсоветский институционализм – 2006: Власть и бизнес.
5. «Левада-центр»: 44 % россиян считают, что богатство депутата или чиновника – это преступно [Электронный ресурс]. 2013. 26 марта. URL: <http://www.dp.ru/1026ub/> (дата обращения: 20.02.2015).
6. Постсоветский институционализм – 2006: Власть и бизнес.
7. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000.
8. Постсоветский институционализм – 2006: Власть и бизнес.
9. Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. Ч. 1. Ростов н/Д., 2013.

References:

1. Nureev, RM (ed.) 2006, *The post-Soviet institutionalism - 2006: Power and business*, Rostov-on-Don.
2. *Social inequality in the sociological dimension: prepared in cooperation with the Gorbachev Foundation and the National Investment Council* 2006, Moscow, retrieved 20 February 2015, <http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Soc_neravenstvo.pdf>.
3. *Social inequality in the sociological dimension: prepared in cooperation with the Gorbachev Foundation and the National Investment Council* 2006, Moscow, retrieved 20 February 2015, <http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Soc_neravenstvo.pdf>.
4. Nureev, RM (ed.) 2006, *The post-Soviet institutionalism - 2006: Power and business*, Rostov-on-Don.
5. "Levada-Center": 44% of Russians believe that the wealth of a deputy or officer – a crime 2013, March 26, retrieved 20 February 2015, <<http://www.dp.ru/1026ub/>>.
6. Nureev, RM (ed.) 2006, *The post-Soviet institutionalism - 2006: Power and business*, Rostov-on-Don.
7. Kirdina, SG 2000, *Institutional matrix and the development of Russia*, Moscow.
8. Nureev, RM (ed.) 2006, *The post-Soviet institutionalism - 2006: Power and business*, Rostov-on-Don.
9. Makarenko, VP 2013, *Russian power and bureaucratic state*, part 1, Rostov-on-Don.